

ФИЛОЛОГИЯ

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ “ЖИЗНЬ VS. ТЕМП” В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА “КОТЛОВАН”

© 2006 Н.А. Бабкина

Воронежский государственный университет

... идишь ли по семенам или по праху...

А. де Мюссе

Повесть “Котлован” сразу же после ее опубликования стали вписывать в идеологический контекст. Нетрудно указать на те исторические события, которые обрамляют действие повести. Несомненна тесная связь “Котлована” с определенной эпохой, которая послужила источником и основных тем произведения, и его уникального языка, однако установление характера этой связи требует осторожности. Представление о языке повести как “лингвистической пародии” на “русский тоталитарный язык периода его расцвета” [4; 9], утвердившееся в исследованиях, является оправданным, но недостаточным. Особенности употребления лексических единиц в текстах Платонова не исчерпываются сменой знака с положительного на отрицательный. Главная особенность речевого поведения Платонова, обеспечивающая и поддерживающая своеобразие его художественного мира, — это семантический сдвиг относительно литературной нормы. В результате актуализируются различные смыслы, заложенные в слове как его этимологией, так и различными культурными контекстами. Задача нашей работы — проследить функционирование лексических единиц “жизнь” и “темп” на разных уровнях поэтики повести “Котлован”.

Начало новой эпохи было отмечено активным и целенаправленным изменением языковой картины мира, в полном соответствии со словами “Интернационала”: “Мы наш, мы н о в ы й м и р построим...”¹. Создавались и находили выражение в языке новые концепты. Приведем наиболее показательный пример. В словаре В. Даля значение слова “революция” определяется следующим образом: “переворот, внезапная перемена порядка, отношений, смута или тревога, беспо-

койство” (последнее следует понимать вне политического контекста); “перен. смуты государственные, восстание, мятеж, крамолы и насильственный переворот гражданского быта” [3, т. 4, 87]. Отметим, что здесь как прямое представлено более абстрактное значение слова, восходящего к латинскому “переворот”. После событий 1917 года слово “революция” стало одной из идеологем строящегося “нового мира”. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Ушакова, издававшийся в 1935–1940 гг., фиксирует слово “революция” с измененным значением: “переворот в общественно-политических отношениях, совершаемый насильственным путем и приводящий к переходу государственной власти от господствующего класса к другому, общественно-передовому классу”; “перен. коренной переворот в какой-нибудь области знания, искусства” [10, т. 3, 1310]. Прямое и переносное значения слова поменялись местами. М. Булгаков, противопоставлявший революции “великую эволюцию”, возвращал слову его первоначальное, более широкое, значение и вел скрытую полемику со своим временем.

Обратимся к хорошо известному началу повести “Котлован”: “В день тридцатилетия личной жизни Вошеву дали расчет с небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования. В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда” [7, 21]. Этот небольшой абзац, открывающий произведение, насыщен приметами языка эпохи. Отметим словосочетания “личная жизнь” и “темп труда”, а также конструкцию с предлогом “вследствие”, характерную для канцелярского стиля.

Текстообразующими элементами здесь являются словосочетания “личная жизнь” и “общий темп труда” с преобразованными в контексте значениями.

Избыточное с точки зрения литературной нормы (которая рекомендовала бы написать “в

¹ Рязрядка в цитатах здесь и далее наша. — Н.Б.

день тридцатилетия Вошеву дали расчет...”), начало первого предложения оказывается достаточным и необходимым в целом для произведения. Очевидно, что словосочетание “личная жизнь” здесь не может быть прочитано строго “по словарю”, поскольку не связано исключительно с “частной, семейной жизнью данного лица” [2, 501]. Если в устойчивом словосочетании “личная жизнь” значение слова “жизнь” редуцируется, то в тексте Платонова ему возвращены полновесный смысл и исконная ценность. Автора не бросает замечание по ходу повествования (Вошеву исполнилось 30 лет). Тридцатилетие предстает долгим периодом, заполненным жизнью. В таком контексте указание на возраст героя призвано подчеркнуть онтологическую значимость происходящего. Так, Евангелие свидетельствует, что Иисус Христос был крещен в возрасте тридцати лет: “Иисус, начиная свое служение, был лет тридцати” (Лк. 3:23). Уже первое предложение повести демонстрирует “движение от эмпирии к экзистенции” (Ю. Левин), которое характерно для словоупотребления Платонова [5]. Определение “личный” призвано усилить звучание слова “жизнь” и обнаруживает горькую иронию автора: размышления Вошева о насущнейшей для человека проблеме — смысле жизни — оказываются именно “частным” делом “данного лица” и не востребованы эпохой.

Требуется пояснения и слово “темп”. Его значение в словаре В. Даля определяется как “мера времени, в дробных частях, размер; в музыке: такт, мера” [3, т. 4, 387]. Здесь слово “темп” еще сохраняет тесную связь с латинским “tempus”, “время”; музыкальный термин также “помнит” о первоначальном значении: темп в музыке предполагает исполнение равных отрезков музыкального произведения за равные доли времени. Подчеркнем, что основой музыкального темпа является именно гармония, уравновешенность частей друг относительно друга.

В Толковом словаре русского языка под ред. Д. Ушакова находим иное толкование: “степень быстроты, с какой исполняется музыкальное произведение”; “перен. степень скорости осуществления, выполнения чего-нибудь” [10, т. 4, 677]. Последнее из указанных значений возникло в 1920–1930-е гг., когда слово активно эксплуатировалось в публицистике, и обнаруживает разрушение смысловой связи с латинским “tempus”. Трансформация значения слова влечет за собой изменение его сочетаемости: стали возможны такие сочетания, как темп труда; ударные темпы; увеличивать, наращивать/снижать темп; войти, входить в темп; нагнать темп; сдать темп (последнее следует понимать как “уступить, отдать неприятелю”, ср. “сдать позиции”) и др.

Темп понимается теперь как отвлеченная быстрота, исчезает представление о его смысловой наполненности. Последнее оказывается особенно важным для Платонова.

Устойчивые в 1930-е гг. сочетания “личная жизнь” и “темп труда” (последнее усилено определением “общий” и поддержано на синтаксическом уровне неопределенно-личными “дали”, “написали” и страдательной “он устраняется” конструкциями), появившиеся в новую историческую эпоху, в повести “Котлован” оказываются противопоставленными друг другу с преобразованным значением. Таким образом обозначен конфликт между единичным и общим, преломляющийся в повести различными способами. Слово “жизнь” с возвращенным ему полнотой значения переводит конфликт в онтологический план. Жизнь и темп в интерпретации Платонова противопоставлены в первую очередь по признаку целеполагания. Жизнь, в отличие от темпа, настойчиво взыскует смысла (ср.: “А истина полагается пролетариату?” — спросил Вошев. “Пролетариату полагается движение”, — произнес справку активист, — “а что навстречу попадет, то все его: будь там истина, будь кулацкая награбленная кофта, — все пойдет в организованный котел, ты ничего не узнаешь!” [7, 71]), который бы одинаково был бы принят всеми и каждым.

Отметим, что если в 1929–1930 гг. идеологической доминантой был именно темп, то в повести предметом мучительных размышлений автора и героев становится жизнь. При этом противопоставление “личной жизни” “общему темпу”, невостребованность героев новым временем создает сквозную в повести ситуацию неполноты бытия, обозначенную пронзительными словами бывшего попа: “...я остался без бога, а бог без человека” [7, 81] и воплощенную на образном уровне физической неполнотой героев (ярчайший пример — калека Жачев).

Обращение к истории текста добавляет к сказанному еще один штрих: “В день тридцатилетия жизни Вошеву дали расчет с небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования. В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего [потока] темпа труда”² [7, 169]. Определение “личной” здесь отсутствует. Вместо слова темп видим слово по-

² Фрагмент динамической транскрипции рукописи “Котлована” приводится нами с сохранением условных обозначений, принятых составителями. Зачеркнутый текст набран курсивом и заключен в прямые скобки. Позднее вставленный текст набран полужирным шрифтом.

ток (позднее Платонов исправляет конец первого абзаца). Жизнь и поток могут быть скорее уподоблены, а не противопоставлены друг другу. Отмеченное нами противопоставление “жизнь vs. темп” здесь не обозначено явно. В черновом варианте повести отмеченный нами конфликт между личным и общим носит скорее частный характер, тогда как в окончательном варианте “Котлована” оно приобретает статус онтологической трагедии.

Дальнейший путь “устраненного” Вощева освещен высокой задачей восстановления целостности не своей частной (“личной”) жизни, но бытия (“Своей жизни я не боюсь, она мне не загадка” [7, 23]).

Участие Вощева в работах на котловане может быть истолковано как попытка героя сочетать “задумчивость”, поиск смысла жизни, истины с “общим темпом труда”. Как отмечают исследователи, котлован — проект в духе 1930-х годов. Однако в разработке образа котлована, на наш взгляд, акцент сделан именно на понятии “жизнь”. Подчеркнем, что котлован находится на окраине города, в центре же возводят некую башню, оказывающуюся впоследствии заводом, строительство которого больше соответствует эпохе индустриализации: Ср.: “Только теперь он (Вошев. — Н. Б.) увидел середину города и строящиеся устройства его. <...> Вошев долго наблюдал строительство неизвестной ему башни...” [7, 26]; “Вдалеке светилась электричеством ночная постройка завода...” [7, 32]. Работы на котловане оказываются теснее связанными именно с личным (поиск истины), чем с общим (тема строительства, связь повести с жанром производственного романа отмечалась исследователями). Так, в черновом тексте “Котлована” профуполномоченный перед началом работ просит артель пройти маршем по городу, чтобы увидеть значение их будущего труда, а Вошева принимает “думать за жалованье” [7, 183]. Платонов вычеркивает эту сцену, тем самым окончательно закрепляя за мастеровыми положение “посторонних”.

Работы на котловане воспринимаются героями как в буквальном смысле поиск истины. Размышляя о том, где она хранится, Вошев приходит к выводу, что истина занимает срединное положение и в теле человека, и в земле. Ср.: “Вошеву дали лопату, и он с жестокостью отчаяния своей жизни сжал ее руками, точно хотел добыть истину из середины земного праха...” [7, 28]. В черновом варианте повести этот мотив был гораздо значительнее. Так, в разговоре с профуполномоченным, герой вдруг догадывается: “Ведь ничего же не было вначале, и начала не было, — что же мешало произойти существованию? Ни-

чего, и оно оттуда возникло! И здесь я начинаю не знать, но я предчувствую свои корни в середине целой земли...” [7, 182]. “Человек с землей и все различные существа живут без обручения, без обмена внутренней теплотой своего влечения, и страдают разлукой уединенного тела. Чтобы объединиться с этим грустным пространством, нужно сначала умереть и лечь в земляную могилу...” [7, 183]. Обращают на себя внимание повторяющиеся в повести целевые мотивы, связанные, во-первых, с поиском смысла *жизни* и, во-вторых, с *трудом*. Так, в примерах: “Милиция охраняла снаружи безмолвие рабочих жилищ, чтобы сон был глубок и питателен для дневного труда” [7, 38]; “Товарищ Пашкин бдительно снабдил жилище землекопов радиорупором, чтобы во время отдыха каждый мог приобретать смысл классовой жизни из трубы” [7, 53]; “Пролетарьят живет для энтузиаста, товарищ Вошев!” [7, 50], труд и необходимый для него энтузиазм являются конечной целью, которой должны служить сон и отдых (первый и второй примеры) и в целом жизнь (третий пример). Естественные, необходимые цели, связанные с существованием человека в мире, подменяются искусственными. Невольно напрашивается мысль, что умершая Настя и есть та “истина” во плоти, которую мастеровые помещают в котлован, поскольку другую истину им найти не удалось (ср. часто цитируемую запись Платонова: “Мертвецы в котловане — это семья будущего в отверстии земли” [7, 139]). Здесь, кажется, и проявляется отмечавшаяся исследователями двойственность отношения Платонова к послереволюционной действительности (“идешь ли по семенам или по праху”).

Ко времени написания “Котлована” вопрос о соотношении частного и общего, актуальный в 1920-е гг., на государственном уровне был уже решен и в общественной жизни, и в эстетике³. Показательна известная статья Л. Авербаха “О целостных масштабах и частных Макарах”. Акценты в понимании рассказа расставлены уже названием статьи: в новое время ценностью обладают целостные масштабы, а не частные Макары. Однако интересно другое: в рассказе А. Платонова Л. Авербах считает несоответствующим духу времени не только решение вопроса о соотношении частного и общего, но саму

³ См., например, статью В. Полонского “Концы и начала” в № 1 “Нового мира” за 1931 год: автор заявляет, что новые эстетические ценности определяются “господством общественных интересов над личными” (с. 153). Возрождение “лирики частной жизни” Полонский отнесил в будущее после победы социализма.

его постановку: “...Что нам может дать вообще организованная борьба за хорошо поставленные учреждения, что дадут нам даже эти хорошие учреждения, что нам вообще может дать партия⁴, если мы исходим из обязательного противопоставления общего и отдельного, далекого и близкого, человека как целого и теоретического убеждения как части?” [1, 263] и далее: “...Партия наша такова и так руководит строительством социализма”, что она снимает всякую возможность противопоставления “целостных масштабов” “частным Макарам”, что должны учитывать писатели, “желающие быть советскими” [1, 265]. Проблема “частного Макара” и “общего масштаба” исключалась из идеологии 1930-х гг. Характерно, что Платонов, в отличие от Л. Авербаха, делает акцент именно на частном: “В день тридцатилетия личной жизни...”. Поражает настойчивость, с которой Платонов, вопреки идеологическому контексту 1930-х гг., возвращается к этой проблеме. Писатель обнаруживает сосредоточенность на определенных, сквозных в его творчестве, проблемах (“Мои идеалы однообразны и постоянны”). “Нельзя одному выдумать смысл жизни. Трагедийный факт: мысль — одиночество”, — запишет Платонов в набросках к повести “Котлован” [7, 128], выводя смысл повествования за пределы тематического прочтения повести как произведения об индустриализации и коллективизации. Однако было бы ошибкой противопоставлять художественное решение Платонова тому идеологическому решению, которое было предложено эпохой. В позднее вычеркнутом фрагменте текста Вошев, напряженно размышляющий о смысле жизни, вдруг догадывается, что “...смысл жизни надо не выдумать, а вспомнить, — следует возвратиться к людям, забыть среди них, чтобы объяснить свою жизнь теми предметами, из которых она скопилась [в Вошеве]...” [7, 179] и принимает решение: “Я буду жить в ровный ряд со всеми...” [7, 180]. Человек (впрочем, как и любой предмет эмпирической действительности) помимо своей воли и сознания, самим фактом своего существования оказывается участвующим в мировой жизни. В этом отношении показательным характерным для Платонова использованием абстрактных пространственных показателей вместо конкретных, ср.: “...музыка уносилась ветром в природу через приовражную пустошь” [7, 21]; “...полевой свет тишины и вянувший запах сна приблизились сюда из общего пространства...” [7, 26], обозначающее связь всего со всем.

⁴ Выделено Л. Авербахом. — Н. Б.

Значение прилагательного “общий” претерпело определенные изменения. В словаре В. Даля читаем, что “общий” — это “одинаково относящийся ко всем, ко всякому, или к тем людям, о коих идет речь” [3, т. 2, 638]. Сема “взаимности” поддерживалась еще осознававшейся словообразовательной связью между прилагательным и глаголом “общаться”, а также производным от него существительным “общение”, зафиксированным в словаре В. Даля, где слова, как известно, расположены гнездовым способом. В Толковом словаре под ред. Д. Ушакова находим уже другое определение: “коллективный, совместный с другими, принадлежащий всем” [10, т. 2, 731]. Трансформированное значение было усилено новыми словообразовательными связями, например, со словом “обобществлять” и производными от него.

Закономерно возникает вопрос о качественной основе “общего” в понятиях жизнь и темп. Жизнь, очевидно, является таким общим, которое “одинаково относится ко всем, ко всякому” (“Я родня траве и зверю и сгорающей звезде...”). Темп же безразличен к конкретному человеку.

Противопоставление “жизнь vs. темп”, возникающее на лексическом уровне произведения, далее переходит на более абстрактные уровни его поэтики.

“Общий темп” оказывается воплощенным в образе марширующих пионеров. Вошев, томимый тоской, наблюдает за марширующими детьми и видит “время, созревающее в свежем теле” [7, 25]. Девочки “ступали точным маршем” “с сознанием важности своего будущего” [7, 24], Вошеву же его будущее неясно: “Вошеву.. вышел наружу, чтобы на воздухе лучше понять свое будущее. Но воздух был пуст...” [7, 21]. “Каждая девочка, двигаясь в меру общего строя, улыбалась от чувства своего значения, от сознания серьезности сжимающейся в ней жизни, необходимой для непрерывности строя и общего похода” [7, 24]. Вошев же “...не знал — полезен ли он в мире или все без него благополучно обойдется” [7, 22] и поэтому “не мог долго ступать по дороге” [7, 23]. “Устраненность” героя из “общего темпа” подчеркнута, во-первых, тем, что он “прохожий”, в буквальном смысле посторонний, находящийся в стороне от общего движения, а, во-вторых, тем, что за детьми Вошев наблюдает на равных правах с увечным Жачевым, таким же посторонним этому миру. Жачев и Вошев здесь как бы уравниваются в положении. Этот эпизод оказывается соположенным с начальным эпизодом повести. Следует отметить также, что не только Вошев занимает положение “постороннего”. Так, инженер Прушевский “поглядел,

согнувшись, по ту сторону на ближнего спящего, чтобы заметить на нем что-нибудь неизвестное в жизни...” [7, 33].

Образное воплощение получают и “сопутствующие” “жизни” и “темпу” мотивы, например, мотив цели. Цель задает направление движения. Смысл жизни и процесс его обретения получают топологические координаты: жизнь соотносится с перемещением в пространстве (ср., в одном из заключительных эпизодов “Котлована” Вошев “...отворил дверь Оргдома в пространство и узнал желание жить в эту разгороженную даль...” [7, 111]), а поиск ее смысла – с достижением определенной пространственной цели (так, в начале повести Вошев “не мог долго ступать по дороге и сел на край канавы, не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться” [7, 23]).

Марш предполагает торжественность, утверждающий характер интонаций и четкость ритма. Если воплощением общего темпа становится марш, жизни, очевидно, должна соответствовать народная лирическая песня с неизменностью ее тем, связанных с пороговыми ситуациями человеческой жизни (любовь, расставание, смерть, утрата родных и близких) в сочетании с “задушевными” интонациями. Так, народ джан, возрождаясь к жизни, поет песню, причем Чагатаев в общем хоре “расслышал даже тихий, стыдящийся голос своей матери” [6, 376]. Однако в “Котловане” “точному маршу” юных пионеров – образу-символу нового времени – практически нечего противопоставить: темп новой эпохи вытесняет не только напевные лирические интонации, но в конечном итоге сам оказывается вытесненным звуковым диссонансом: “Иногда вдруг наставала тишина, только слышно было, как Настя шевелила мертвые кости, но затем опять пели вдалеке сирены поездов, протяжно спускали пар свайные копры и кричали голоса ударных бригад, упершихся во что-то тяжелое, – кругом беспрерывно нагнеталась общественная польза” [7, 112]. Здесь в полной мере реализовано новейшее значение слова, забывшего о своей смысловой основе. Марш пионеров “с усталой музыкой впереди” сменяет шум “общественной пользы”, которая “беспрерывно нагнеталась”. Нарастание диссонанса поддержано нарушением гармонии в природе (ср. вопрос Насти: “Где четыре времени года?”), постепенным отчуждением героев от жизни (ср. Прушевский составляет проект собственной смерти, погибают Сафронов и Козлов, проект дома, который, по мысли инженера, “должен быть населен людьми, а люди наполнены той излишней теплотой жизни, которая названа однажды душой” [7, 33], постепенно становит-

ся проектом общей могилы: “Все бедные средние мужики работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована” [7, 115].

Противопоставление “жизнь vs. темп” “серьезно” осмыслено Платоновым. Однако в повести можно найти и примеры того, что исследователи назвали “лингвистической пародией”. Так, в предложении “Мужик было упал, но побоялся далеко уклоняться...”, глагол “уклоняться”, с одной стороны, воспринимается читателем в его прямом и конкретном значении, например, “уклоняться от удара”, но в то же время содержит очевидный политический подтекст, подчеркнутый автором во второй части предложения: “дабы Чиклин не подумал про него ничего зажиточного, и еще ближе предстал пред ним, желая посильнее изуевчиться, а затем исходатайствовать себе посредством мучения право жизни бедняка” [7, 70].

В целом на уровне отбора лексических единиц “Котлован” можно охарактеризовать как идеологически концентрированный: в качестве текстообразующих Платонов использует ключевые слова-идеологемы. В тексте повести воспроизводятся ценностные объекты нового ментального мира. Именно их присутствие не позволяет определить произведение как “лингвистическую пародию”, в отличие, например, от новелл М. Зошенко. Особый характер используемых языковых средств, на наш взгляд, и определяет своеобразие платоновского языкового стиля. При трансформации содержания идеологемы сохраняют свою основную особенность: направленность на построение целостной картины мира (концептуальность). Отметим, что в “серьезный” план повествование переводит также отождествление авторской (жизнь) и исторической (темп) идеологем с музыкальными образами. В повести “Котлован” Платонов на глазах читателя творит собственные концепты, явно предпочитая слову “сотворенному” слово “творимое”, так что читатель ступает “по праху” прежних и по “семенам” новых значений. Эта особенность словоупотребления в произведениях писателя дала возможность Ю. Левину сформулировать инвариант платоновского текста, где “всякий конкретный элемент стремится к расширению, установлению возможно более широкого круга связей с другими элементами – в частности и в особенности с элементами более отвлеченного плана, – а в пределе к конституированию себя в качестве неотъемлемой, необходимой и при этом уникальной части универсума как целого” [5, 403-404].

В XX веке чувствовалась невозможность использовать лишь один код, принадлежащий ли

традиции или выработанный новой исторической эпохой, для “дешифрации” смысла. Так, М. Цветаева в 1924 году записывает: “Бессмысленно повторять (давать вторично) – вещь, уже сущую. Описывать мост, на котором стоишь. Сам стань мостом, или пусть мост станет тобою...” [11, 595]. Проза Платонова включена в контекст литературы 1920–1930-х гг., время повышенной активности индивидуальных стилей, для которых на лингвистическом и жанровом уровне характерны поэтика “антиформ”. “Антиформа” ощутима именно на фоне традиционных конструкций, она “помнит” о своей изначальной структуре. Так возникает необходимость использовать не единственный код, но несколько культурных кодов для раскрытия смысла произведения. Литература первой трети XX века выразила недоверие к готовым решениям, высказанным на языке традиционных конструкций. “Есть священный инстинкт – и в этом меня подтвердит каждый пишущий – оберегающий нас от доверия к слишком легко давшемуся”, – пишет М. Цветаева. “Тот же священный инстинкт оберегает и настоящего⁵ читателя от доверия к слишком легко в него льющемуся” [11, 596]. Платонов предстает писателем, который, как и его герой, “не хотел, чтобы мир остался ненареченным, он только ожидал услышать его собственное имя вместо нарочно выдуманных прозваний” [8, 43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Авербах Л. О целостных масштабах и частных Макарах / Л. Авербах // Андрей Платонов: Воспоминания современников: Материалы к биографии. – М., 1994. – С. 256–266.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. т. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
4. Купина Н. А. Язык тоталитарной системы в повести “Котлован” / Н. А. Купина // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания: Вып. 13. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1999. – С. 162–172.
5. Левин Ю. И. От синтаксиса к смыслу и далее (“Котлован” А. Платонова) // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М., 1998. – С. 392–419.
6. Платонов Андрей. Джан / Платонов Андрей. Потомки Солнца: Рассказы и повести. – М.: Правда, 1987. – С. 276–413.
7. Платонов Андрей. Котлован: Текст, материалы творческой истории. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
8. Платонов А. Чевенгур / А. Платонов // Избранное: Чевенгур. Счастливая Москва. Котлован. Рассказы. – М.: ТЕРРА, 1999. – С. 7–302.
9. Сейфрид Т. Писать против материи: о языке “Котлована” Андрея Платонова / Т. Сейфрид // Андрей Платонов: Мир творчества. – М., 1994. – С. 303–319.
10. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. т. / ред. Д. Н. Ушаков. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.
11. Цветаева М. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза / Марина Цветаева // Собр. соч.: в 7 т. – М.: ЭЛЛИС ЛАК, 1994. – Т. 4 – 719 с.

Рецензент – Т. А. Никонова.

⁵ Выделено М. Цветаевой. – Н. Б.